

ЯВТУШЕНКО С. Т. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЯВТУШЕНКО Симон Тимофеевич, родился в 1891. Получил среднее образование, служил учителем сельской школы, затем — студент Киевского Высшего Музыкально-Драматического института. С 1921 — активный мирянин Украинской Автокефальной Православной Церкви, позднее — проповедник и протопресвитер Троицкой церкви в Миргороде. Трижды арестовывался, но позднее освобождался. 7 марта 1927 — арестован и заключен в тюрьму. 24 августа приговорен к 3 годам высылки за пределы Украины.

<6 сентября 1927>

«Милостивая Государыня!

Узнал недавно, что Вы стоите во главе Красного Креста политических заключенных и высланных и принимаете деятельное участие в деле облегчения участи последних. Ввиду этого я, как разделяющий долю невольников и ожидающий высылки, беру на себя смелость обратиться к Вам за помощью в надежде, что Вы, как женщина, близко стоящая к горю многих и служащая целям гуманности <и> человеколюбия, откликнитесь на мой призыв и сделаете все зависящее от Вашего влияния и Вашей доброй воли для облегчения моей доли в настоящем и, что важнее, — в будущем.

Но предварительно отрекомендуюсь. Я — христианин, еще молодой протопресвитер Украинской Христианской Автокефальной, возродившейся 7 лет тому назад на основе христианства первых веков от Р<ождества> Х<ристов>а>.

Принадлежу к трудовому казачеству Украины. Имею жену и 5-месячную дочь.

Сначала был народным учителем, после студентом Киевского Высшего Музыкально-Драматического института имени композитора Лисенка. Мне 36 лет.

В 1921 году я оставил стены моей alma mater, вступил в лоно моей родной Церкви и стал ее активным сыном. Почему это я искусству предпочел Религию? Психологическая подоплека этой метаморфозы такова: еще с детства, имея религиозных родителей, я отличался крайней религиозностью. 13 лет в Харькове, в оперном театре, впервые я вижу, слышу и перечитываю содержание трагедии молодых христиан — Лигии и Виниция из оперы Сенкевича "Камо грядеши" или "Quo vadis", и этот факт навсегда определяет характер и моей натуры, и деятельности на жизненном поприще. Стать служителем старой славянско-русской церкви я не мог: она вследствие своей окаменелости и рутины не импонировала моему пылкому и чувствительному сердцу, воспитанному на произведениях борцов за правду — корифеев всемирной литературы, как Т. Шевченко, Г. Сенкевич, Гете, Данте, Сервантес, Шекспир, Достоевский и др<угие>.

В родной же Церкви, которая являет собой ренессанс древнего христианства, я почувствовал себя, как рыба в воде и, состоя проповедником, все время буквально пылал и жег людские сердца "глаголом вечным", возрождая их к лучшему, идеальному, вечному!

За беззаветное, честное и бескорыстное служение Высшей Правде — Богу и родному Народу, а именно: за то, что я глубоко верю в Бога — Христа, что сердечно люблю ближних в лице моего угнетенного, но талантливого народа, что беззаветно предан родной Церкви и тверд да непоколебим в моем убеждении, за то, что я словом, делом и всей моей жизнью свидетельствую евангельскую истину и открыто да мужне борюсь

со всякими искажениями ее, вроде ужасного нигилизма — атеизма, который для жизни человечества чреват гибельными последствиями, за то, что я горю желанием увидеть всех людей христианами, т^о е^{сть} добрыми, честными, свободными, культурными, а все народы, как великую, вольную, новую всемирную семью, спаянную узами любви, братства, свободы и справедливости; за то, что я многих и многих людей подношу на ту моральную высоту, где они сердцем чувствуют счастье и Вечность, вот за это я пользуюсь широкими симпатиями среди верующих, любовью всех добрых сердец и популярен не только на целый округ, где я являюсь благовестником, но и далеко за пределами его.

Но указанные выше причины являются и лейтмотивом гонений, воздвигнутых против меня предрержащей властью.

Эти гонения вошли уже в систему и непрерывно тянутся уже 6-ой год!

Своего апогея эти беспочвенные и бесцельные гонения достигли к настоящему времени, когда я вот уже 7-ой месяц заключен в Лубенскую тюрьму без всякой вины против Сов^{етской} власти. Заключение тюремное терплю это уже в 4-й раз. Причину первых 3-х заключений я уже обрисовал. А теперь укажу еще на причину последнего моего заключения. И на этот раз никакой вины моей против Сов^{етской} власти нет! Старая история.

Предлогом для этого заключения послужила моя проповедь, сказанная мною с амвона еще осенью прошлого года. В этой проповеди я ни словом, ни намеком не коснулся власти или политики, а только в ней отметил один жест из поведения моего сотрудника церковного. Этот его жест шел вразрез с требованием христианской этики и насущными интересами родной моей Церкви и характером своим граничил с понятием измены Церкви. Казалось бы, что власть тут ни при чем. Тем не менее орган власти ГПУ сочло себя якобы задетым: арестовало меня и заключило в Лубенский Допр; мало этого, меня перечислили еще за Особым Совещанием ГПУ УССР г^{орода} Харькова, а последнее постановлением своим от 24 августа с^{его} г^{ода} решило выслать меня из пределов Украины на 3 года, направив это постановление в Москву в Об^{ъединенное} ГПУ СССР на предмет санкции и определения моей высылки.

Конечно, я, как христианин, привыкший ко всякого рода лишений, гонений, испивший чашу горького до дна, не страшусь даже этой высылки, ибо везде Господь и добрые люди, наполняющие Господнюю землю, но я имею еще жену и 5-месячную дочь без всяких средств к жизни — это первое; второе — в отношении здоровья я почти инвалид: одержим глубокою невралгией, болезнь легких, болезнь ног (остит и переостит), анемия. Ясно, что высылка меня на север России в холодные края гибельна и для здоровья, и для жизни моей.

Ввиду этого обращаюсь к Вам, как к доброй, идейной и авторитетной женщине, во имя вечного и прекрасного в человеке и жизни нашей, сделайте, пожалуйста, все зависящее от Вас перед ОГПУ СССР для предотвращения этой моей высылки.

Если невозможно совсем ее отменить, то, в крайнем случае, смягчить ее: добиться, чтобы меня не высылали в холодные края и предоставили мне право самому избрать место моей высылки в рамках существующего на этот предмет положения.

Очень буду благодарный Вам за Вашу братскую помощь. Прошу извинить меня за причиняемое Вам беспокойство.

С совершенным почтением и уважением остаюсь к Вам — протопр^{есвитер} Симон Явтушенко.

1927 г<ода> 6 сентября.

Р. S. Мой адрес: гор<од> Лубны, на Украине. Допр № 7.
Прот<опресвитер> Симон Тимофеевич Явтушенко.

Р. S. S. Про результат Вашего ходатайства благоволите дать весточку моей жене по такому адресу:

Украина, г<ород> Миргород на Полтавщине, м<естечко> Великая Багачка, хутор Середнее.

Михаилу Федоровичу Якименко для Антонины Михайловны.

Для последней цели при сем прикладываю 8-коп<еечную> марочку»¹.

15 сентября 1927 — к Е. П. Пешковой обратились за помощью участники сестричного Братства при Свято-Троицкой церкви.

<15 сентября 1927>

«Милостивая Государыня.

Мы, сестры сестричного братства при Свято-Троицкой церкви города Миргорода на Полтавщине, глубоко извиняясь перед Вами за беспокойство, осмеливаемся обратиться к вам с просьбой.

Узнавши о Вашей сердечной доброте и отзывчивости на зов всех тех, кто нуждается в человеческой помощи, мы обращаемся с покорнейшей просьбой, не сможете ли вы помочь и нашему горю, которое состоит в следующем.

Наш духовный пастырь, настоятель нашего означенного храма, священник о<тец> Симон Тимофеевич Евтушенко за проповедь с церковного амвона 7 марта сего года был арестован и заключен под стражу в Лубенский Допр, где находится и по настоящее время без предъявления ему какого-нибудь обвинения, в административном порядке подлежит высылке за пределы Украины. Дело его зараз находится в Москве.

Кроме этого осталась еще его жена с маленьким грудным ребенком, находится в страшном трагическом отчаянном положении и без всяких абсолютно материальных средств для дальнейшего существования.

Принимая все это во внимание и желая помочь этим несчастным молодым людям и облегчить их злосчастную участь, покорнейше просим Вас, милостивая государыня, отозваться на нашу просьбу и принять все зависящие от Вас перед властью меры, чтобы последняя по Вашему ходатайству перед нею приостановила высылку за пределы Украины и, когда можно, совсем освободила его и из-под стражи, как невиновного совсем ни в чем и в тот же час сильно больного.

За Вашу доподмогу будем вечно благодарны и признательны.

Анна Банзий,
Ольга Прокопий,
Явдокия Стасенко,
Ольга Нипийвода,
Полина Камос,
Елизавета Шевченко»².

16 сентября 1927 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Антонина Михайловна Явтушенко.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 175. С. 77-78. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 175. С. 74-75. Автограф.

<16 сентября 1927>

«Милостивая Государыня!

Я, жена арестованного священника, глубоко извиняюсь, что осмеливаюсь Вас побеспокоить. Великое горе и несчастье, которое постигло меня, заставляет искать человеческой помощи везде и всюду и где только можно ее найти. В поисках этой помощи я услышала от добрых людей про Вас, что Вы своим добрым идейным сердцем всюду откликаетесь на зов всех тех несчастных людей, которые нуждаются в человеческой помощи и которые обращаются к Вам, как к родной сердобольной матери, в надежде получить через Вас хоть какое-нибудь облегчение своим страданиям и мукам.

Мое горе и несчастье состоит в следующем:

1927 г<ода> 7 марта моего мужа Симона Явтушенко арестовали за проповедь с церковного амвона, в которой он не коснулся власти, а отметил лишь не церковное действие своего сотрудника церкви. Лубенским ГПУ арестован и посажен под стражу в Лубенский Допр на Полтавщине, где содержится и по настоящее время и подлежит в административном порядке высылке за пределы Украины.

Дело его зараз находится в Москве.

А по сему, находясь вместе с грудным 5-ти месячным ребенке в страшном критическом и отчаянном положении, а также без всяких абсолютно средств к существованию, осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой принять все меры, зависящие от Вас перед властью, чтобы последняя по Вашему ходатайству приостановила высылку за пределы Украины и совсем освободила из-под стражи, тем более что он еще сильно больной.

Прошу, Милостивая Государыня, спасите, пока не поздно, меня и ребенка. Освободите моего мужа! А иначе я должна наложить руки на себя и на ребенка.

Больше уже нет сил терпеть!

За оказанную Вами помощь буду вечно благодарна и признательна.

С уважением к Вам. Антонина Явтушенко.

Р. S. При результаты Вашего ходатайства сообщите, пожалуйста, мне по указанному мужем адресу»³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 175. С. 76. Автограф.